

УДК 791:1(47)
ББК 85.374:87(2)

ИДЕЯ Ф. НИЦШЕ О «ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ» В ФИЛЬМЕ «ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ» А. ТАРКОВСКОГО

И.И. ЕВЛАМПИЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
E-mail: yevlampiev@mail.ru

Показано, что идейной основой фильма «Жертвоприношение» является идея вечного возвращения Ф. Ницше, имеющая в трактате «Так говорил Заратустра» два смысла: бесконечное повторение «того же самого» и вечное существование, в котором человек сам будет выбирать, что должно повторяться в его жизни, а что нет. Обосновывается, что второй вариант возможен, только если человек откроет в себе «сверхчеловека», т.е., как полагает Тарковский, откроет в себе божественное измерение, связь с Абсолютом, что и происходит с героем фильма, который оказывается способным своей волей изменить ход событий в мире. Проанализирована мысль Тарковского о необходимости по-настоящему «любить себя» и «стать собой», которая также имеет исток в философии Ницше.

Ключевые слова: творчество Андрея Тарковского, философия Ницше, вечное возвращение, «Жертвоприношение», «Так говорил Заратустра», сверхчеловек.

F. NIETZSCHE'S IDEA ABOUT «ETERNAL RETURN» IN A. TARKOVSKY'S FILM «SACRIFICE»

I.I. EVLAMPIEV

St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: yevlampiev@mail.ru

The author proves that the ideological basis of the film «Sacrifice» is the F.Nietzsche's idea of eternal return. In the Nietzsche's treatise «Thus Spoke Zarathustra» this idea has two senses: infinite repetition of «the same» and conception of eternal existence in which the person will choose what should be repeated in his life and what should not himself. It is proved that the second variant is possible only if a man opens the «superman» in himself, i.e. as Tarkovsky believes, opens divine

space, connection with the Absolute. It also happens to the film hero who appears capable to change a course of events in the world by his will. Tarkovsky's idea about the necessity to really "love oneself" and «to become the person you really are oneself», which has a source in philosophy of Nietzsche, is analysed.

Key words: works of Andrei Tarkovsky, Nietzsche's philosophy, eternal return, «Sacrifice», «Thus Spoke Zarathustra», superman.

Философское мировоззрение А. Тарковского во многом было определено его восприятием русской дореволюционной философии, прежде всего философских идей Ф. Достоевского и его наследников (Н. Бердяева, Л. Шестова, В. Розанова, И. Ильина и др.). Однако одновременно Тарковский использовал в своем творчестве идеи наиболее влиятельных философских течений западной философии, среди которых нужно, прежде всего, упомянуть французский экзистенциализм. В этом контексте вполне естественным выглядит интерес А. Тарковского к философским идеям Ф. Ницше, которые были чрезвычайно популярны в русской философии начала XX века (Ницше ставился рядом с Достоевским) и, кроме того, стали одним из важнейших источников западного экзистенциализма. Удивительным образом до сих пор присутствие идей Ницше в творчестве Тарковского не привлекало внимание исследователей, хотя эти идеи буквально лежат на поверхности.

Первое достаточно ясное использование идей Ницше можно усмотреть в «Солярисе». Вспомним начало эпизода, в котором изображено болезненное состояние Криса, вызванное действием на него Океана, осуществляющего исследование его личности. Подходя к Снауту, рассматривающему поверхность океана Соляриса, Крис, уже находящийся в полубредовом состоянии, говорит: «Знаешь, проявляя жалость, мы опустошаемся. Может быть, это и верно. Страдание придает всей жизни мрачный и подозрительный вид... Но я не признаю, нет я не признаю... То, что не составляет необходимости для нашей жизни, то вредит ей? Нет, не вредит, не вредит, конечно, не вредит. Ты помнишь Толстого, его мучения по поводу невозможности любить человечество вообще».

В этой на первый взгляд малоосмысленной тираде Крис воспроизводит, с некоторыми искажениями, две цитаты из трактата Ф. Ницше «Антихрист». У Ницше мы читаем: «Сострадание ... делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение». И далее: «Что не обуславливает нашу жизнь, то *вредит* ей ...» [1, с. 636, 638]. В сценарии фильма Крис произносит еще одну фразу (не вошедшую в фильм), являющуюся скрытой цитатой из трактата Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Все великое и совершенное создано человеком как способ избавления от страдания» [2, с. 82]. У Ницше читаем: «Созидать – это великое избавление от страдания и облегчение жизни» [3, с. 61].

Кажется, что в своем путанном рассуждении Крис отвергает точку зрения Ницше¹, солидаризируясь с Толстым, который одним из первых выступил с рез-

¹ Отметим, что главный герой «Жертвоприношения» Александр в своем монологе о неправильности нашей цивилизации процитирует высказывание Гурджиева, которое почти буквально совпадает с фразой Ницше: «Грех – это то, что не является необходимым».

кой критикой немецкого мыслителя. Однако в русской философии благодаря гениальным работам Льва Шестова, написанным в самом начале XX века, получило распространение мнение о том, что Ницше и Толстой, точно так же как Ницше и Достоевский, были не столько идейными противниками, сколько мыслителями, выражавшими очень близкие системы идей – ставившие в центр философии конкретного человека в его бесконечном, божественном содержании².

Наиболее явно идеи Ницше используются Тарковским в последнем фильме (что делает особенно нелепым распространенное мнение о том, что поздний Тарковский придерживался строго православного мировоззрения). Идея вечного возвращения обозначается уже в самом начале фильма, когда почтальон Отто вручает Александру, главному герою фильма, последние пришедшие по почте поздравления с днем рождения: «Иногда такая чушь в голову лезет, честное слово. Например, вроде карлика этого, карлика пресловутого», – говорит Отто. «Какого карлика, – недоумевает Александр, – вы мне уже совсем голову заморочили». «Ну как же, вы же понимаете, о чем я. Ну, этого горбатого, карлика Ницше, от которого Заратустра в обморок упал. <...> Ну и лезет иногда в голову что-нибудь в духе этого дурацкого вечного возвращения, скажем. Вот живем, мучаемся, ждем чего-то, надеемся, теряем надежду, страдаем, умираем – умираем наконец. И тут же снова рождаемся, но только не помним о том, что уже было, и все начинается с начала. Не буквально так же, пусть, в другой манере, а все-таки так же безнадежно и неизвестно зачем... Нет! именно так же, как было, без малейших отклонений, совершенно так же, именно буквально следующий “сеанс”; так сказать. Я именно так сделал бы, если бы от меня зависело. Есть в этом что-то веселенькое?»

Следы чрезвычайного интереса режиссера к теме вечного возвращения легко найти в его дневниках. Тарковскому было хорошо известно, что сам Ницше заимствовал эту идею из античной философии, где она была весьма популярна. Так, 5 сентября 1981 г. Тарковский выписывает в свой дневник высказывание Сенеки: «Ничто исчезающее с наших глаз не уничтожается – все скрывается в природе, откуда оно появилось и появляется снова. Есть перерыв, гибели нет. И смерть, которую мы со страхом отвергаем, прерывает, а не прекращает жизнь. / Опять придет день, когда мы снова явимся на свет, хоть многие отказались бы возвращаться, если бы не забывали все» (Сенека. Письмо XXXV). И добавляет от себя достаточно показательный комментарий: «Опять «вечное возвращение»!..» Далее он выписывает еще один фрагмент из того же письма Сенеки: «Ни младенцы, ни дети, ни повредившиеся в уме смерти не боятся – и позор тем, кому разум не дает такой же безмятежности, какую дает глупость...» И вновь добавляет от себя: «NB для “Ведьмы”» [5, с. 351]. Это означает, что еще в то время, когда только готовились съемки «Ностальгии», Тарковский одновременно думал над замыслом следующего фильма и в качестве одной из центральных его идей уже видел идею вечного возвращения. В конце того же года (22 декабря) Тарковский записывает

² См.: Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше // Шестов Л. Соч. в 2 т. Томск, 1996. С. 213–316 [4].

в дневник: «Немедленно прочесть “Заратустру” Ницше. Достать поскорее» [5, с. 378]. Чувствуется, что он буквально одержим этой идеей и хочет до конца понять ее смысл в философии Ницше.

И наконец, начиная работу над сценарием нового фильма, Тарковский снова думает только об идее вечного возвращения и даже рассматривает возможность изменить название фильма, чтобы явно указать на эту идею как на центральную (запись от 24 ноября 1983 г.): «Вчера начал “Жертвоприношение”. Поработал немного, но не слишком успешно. В каком-то возбуждении. Кое-что определилось. “Вечное возвращение”. Название? (Никак не могу найти в “Заратустре” историю с Карликом. Нашел. 137-я страница, но это не то. Стр. 194, 195³)» [5, с. 514].

В первом из упомянутых здесь Тарковским мест в книге Ницше Заратустра рассказывает о том, как, взбираясь на гору, он почувствовал, что на нем сидит карлик («дух тяжести»), который тянет его вниз. Собрав все свое мужество, Заратустра вызвал карлика на поединок и тот спрыгнул с него. И тогда Заратустра высказывает «самую бездонную» свою мысль – мысль, которую только он, Заратустра, может вынести. Он указывает карлику на ворота, на которых написано «Мгновение», и спрашивает:

«Взгляни ... на это Мгновенье! От этих врат Мгновенья уходит длинный, вечный путь *назад*: позади нас лежит вечность.

Не должно ли было все, что *может* идти, уже однажды пройти этот путь? Не должно ли было все, что *может* случиться, уже однажды случиться, сделаться, пройти?

И если все уже было – что думаешь ты, карлик, об этом Мгновенье? Не должны ли были и эти ворота уже – однажды быть?

И не связаны ли *все* вещи так прочно, что это Мгновенье влечет за собою все грядущее? *Следовательно* – еще и само себя?

Ибо все, что *может* идти, – не *должно* ли оно еще раз пройти – этот длинный путь *вперед*!

И этот медлительный паук, ползущий при лунном свете, и этот самый лунный свет, и я, и ты, что шепчемся в воротах, шепчемся о вечных вещах, – разве все мы уже не существовали?

– и не должны ли мы вернуться и пройти этот другой путь впереди нас, этот длинный жуткий путь, – не должны ли мы вечно возвращаться» [3, с. 112–113].

Но это только первый подход Заратустры к осмыслению своей «глубочайшей» мысли. Вторая и главная ее формулировка появляется позднее и является кульминацией всей книги Ницше, на это место и указывает Тарковский, подразумевая, что именно здесь заключены идеи, которые должны стать основой его фильма. Однако, прежде чем воспроизвести этот фрагмент, обратим внимание на некоторые другие мысли Ницше, высказанные между первым и вторым обращением к теме вечного возвращения и прямо связанные с этой идеей.

³ Тарковский ссылается на дореволюционное издание книги «Так говорил Заратустра» (СПб., 1911), только оно было доступно в его время.

Впервые пришедшая к Заратустре мысль о вечном возвращении настолько ужасает его, что он обозначает этот ужас с помощью образа молодого пастуха, которому во время сна в рот заползла змея и укусила его за горло. Чтобы спастись, он должен был откусить голову змее и выплюнуть ее. Но, освободившись от своего ужаса, он стал *преображенным и просветленным*, и он *смеялся*. Он перестал быть человеком, он стал выше человека! Точно так же в конце концов преодолевает ужас вечного возвращения Заратустра; образ преобразованного пастуха, который выплюнул из себя все самое черное и злое и стал *выше* человека, – это метафора главного понятия Ницше, понятия *сверхчеловека*, именно оно становится для Заратустры основой в его борьбе с ужасом вечного возвращения.

Чуть позднее он снова вступает в поединок с *духом тяжести*, который ранее представлял в виде карлика, т.е. с представлением о том, что жизнь *тяжела*, что она *ничего не стоит*. Заратустра побеждает духа тяжести с помощью мысли о том, что нужно научиться *любить себя самого*. Имея в виду человека, который «не умеет еще летать», Заратустра говорит:

«Тяжелой кажется ему земля и жизнь; так *хочет* дух тяжести! Но кто хочет быть легким и птицей, тот должен любить себя самого, – так учу я.

Конечно, не любовью больных и лихорадочных: ибо у них и собственная любовь дурно пахнет!

Надо научиться любить себя самого – так учу я – любовью цельной и здоровой: чтобы сносить себя самого и не скитаться всюду. <...>

И поистине, это вовсе не заповедь на сегодня и на завтра – *научиться* любить себя. Скорее, из всех искусств это самое тонкое, самое хитрое, последнее и самое терпеливое.

Ибо для собственника все собственное бывает всегда глубоко зарытым; и из всех сокровищ собственный клад выкапывается последним – так устраивает это дух тяжести» [3, с. 138–139].

Мы не сомневаемся, что именно из этого призыва Заратустры происходит удивляющая многих мысль Тарковского о том, что спасение нужно начинать с любви к самому себе. Она присутствует в дневниках Тарковского, но наиболее известна в связи с его выступлением в Лондоне, посвященном Апокалипсису (оно состоялось в 1984 г., т.е. как раз во время работы над сценарием «Жертвоприношения»): «Постольку, поскольку человек сам выбирает свой путь благодаря свободе воли, он не может спасти всех, но может спасти только себя. Именно поэтому он может спасти других. Мы не знаем, что такое любовь, мы с чудовищным пренебрежением относимся сами к себе. Мы неправильно понимаем, что такое любить самого себя, даже стесняемся этого понятия. Потому что думаем, что любить себя – значит быть эгоистом. Это ошибка, потому что любовь – это жертва. В том смысле, что человек не ощущает ее – это можно заметить со стороны, третьим лицом. И вы, конечно, знаете это, ведь сказано: полюби своего ближнего, как самого себя. То есть любить самого себя – это как бы основа чувства, мерило. И не только потому, что человек осознал сам себя и смысл своей жизни, но и потому также, что начинать всегда следует с самого себя» [6, с. 103]. В конце

этого высказывания Тарковский буквально воспроизводит парадоксальную мысль Ницше о своеобразной «вторичности» любви к ближнему по отношению к любви к себе: «Любите, пожалуй, своего ближнего, как себя, – но прежде всего будьте такими, которые *любят самих себя ...*» [3, с. 123].

Мысль о том, что подлинная любовь есть жертва, также присутствует в проповедях Заратустры; он с презрением говорит о «безусловном» человеке, который считает себя образцом, но именно поэтому совершенно не видит своего глубокого несовершенства: «...он сам недостаточно любил: иначе он меньше сердился бы, что не любят его. Всякая великая любовь *хочет* не любви: она хочет большего» [3, с. 212]. Отсюда, между прочим, следует известный и совершенно неправильно понимаемый лозунг Заратустры о преодолении сострадания и о необходимости «пожертвовать» ближним; эта жертва точно так же является следствием жертвы собой, как и любовь к ближнему должна являться следствием любви к себе: «...всякая великая любовь выше всего своего сострадания: ибо то, что она любит, она еще хочет – создать! / “Себя самого приношу я в жертву любви своей *и ближнего своего, подобно себе*” – так надо говорить всем создающим» [3, с. 64]. Заратустра имеет в виду, что настоящая любовь, которая всегда должна начинаться с любви к себе, т.е. со стремления стать по-настоящему собой, в своей самой глубокой сущности есть желание выявить в себе все те потенции, которые делают человека абсолютным существом, сверхчеловеком (существом, равным Богу, в интерпретации русских последователей Ницше). И любовь к ближнему должна стремиться к тому же, т.е. к преодолению несовершенной «данности» ближнего ради его возможного преображения.

В связи со всем сказанным можно обратить внимание еще на одно явное использование Тарковским мыслей Ницше. В данном случае мы имеем в виду один из фрагментов фильма «Ностальгия», а именно первую встречу главных героев – Андрея Горчакова и Доменико. В этой сцене Доменико напоминает Андрею и сопровождающей его Эуджении слова, сказанные Богом Святой Екатерине Сиенской: «Ты не та, что ты есть, Я же – Тот, который есть». Нетрудно проверить, что, согласно житийной традиции, Бог сказал Святой Екатерине совсем другие слова: «Я есть Тот, Кто Есть; ты есть та, кого нет». Последнее высказывание означает, что для человека нет никакой возможности приблизиться к Богу, между ними пролегает пропасть; в том варианте, который пронесит Доменико, напротив, главное – это движение человека к тому же состоянию, которым обладает Бог. Тарковский настолько радикально меняет смысл слов Бога, что это, конечно же, невозможно счесть простой ошибкой. Смысл и источник этого изменения становится понятным, если вспомнить одну из важнейших максим Заратустры: «Стань таким, каков ты есть!» [3, с. 171]. Стать «таким, каков ты есть», в логике Заратустры значит преодолеть своего «духа тяжести», свою ограниченность, стать *сверхчеловеком*. И если понять сверхчеловека правильно – как перспективу раскрытия божественного содержания в каждой личности, то можно признать, что эту же самую цель имеет в виду Тарковский, когда говорит в упомянутой выше речи о все еще возможном спасении себя самого и всех.

Однако вернемся к развитию концепции вечного возвращения в трактате Ницше. С помощью идеи сверхчеловека Заратустре удастся преодолеть ужас, вызываемый у него его «самой бездонной» мыслью о вечном возвращении. Но происходит это не сразу. Возвратившись после долгих странствий в свою пещеру на высокой горе Заратустра еще раз «вызывает» в себе мысль о вечном возвращении:

«Я, Заратустра, заступник жизни, заступник страдания, заступник круга, – тебя зову я, самую глубокую из мыслей моих!

Благо мне! Ты идешь – я слышу тебя! Бездна моя *говорит*, свою последнюю глубину извлек я на свет!» [3, с. 157].

Но и на этот раз вызванная им мысль порождает в нем такой ужас, что он падает и долго лежит как мертвый (именно об этом говорит в своем монологе о Ницше почтальон Отто). Придя в себя он семь дней лежит больным, не способным ни есть, ни пить. Но наконец он встает и выходит из пещеры к зверям, которые служили ему. И именно звери Заратустры говорят ему о том, что случилось с ним и как теперь он воспринимает вечное возвращение. Вероятно, Ницше заставляет говорить зверей, а не самого Заратустру, чтобы подчеркнуть, что идея вечного возвращения, в новой – радостной, а не ужасной форме, есть главная идея не только Заратустры и не только всех людей, но всей природы, всего бытия. Говоря о том, что теперь Заратустра наконец обрел свою «великую судьбу», звери объясняют это так:

«Ибо твои звери хорошо знают, о Заратустра, кто ты и кем должен ты стать: смотри, *ты учитель вечного возвращения*, – в этом теперь *твое* назначение! <...>

И если бы ты захотел умереть теперь, о Заратустра, – смотри, мы знаем также, как стал бы ты тогда говорить к самому себе; но звери твои просят тебя не умирать еще.

Ты стал бы говорить бестрепетно, вздохнув несколько раз от блаженства: ибо великая тяжесть и уныние были бы сняты с тебя, о самый терпеливый!

“Теперь я умираю и исчезаю, – сказал бы ты, – и через мгновение я буду ничем. Души так же смертны, как и тела.

Но связь причинности, в которую вплетен я, опять возвратится, – она опять создаст меня! Я сам принадлежу к причинам вечного возвращения.

Я снова возвращусь с этим солнцем, с этой землею, с этим орлом, с этой змеєю – *не* к новой жизни, *не* к лучшей жизни, *не* к жизни, похожей на прежнюю:

– я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей,

– чтобы повторять слово о великом полдне земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке.

Я сказал свое слово, я разбиваюсь о свое слово: так хочет моя вечная судьба, – как провозвестник, погибаю я!

Час настал, когда умирающий благословляет самого себя. Так – *кончается закат Заратустры*”» [3, с. 160–161].

Как раз этот фрагмент книги «Так говорил Заратустра» Тарковский отмечает в своем дневнике как самый важный для замысла его фильма.

Если сравнить первое высказывание Заратустры о вечном возвращении (в споре с карликом) со словами, которые произносят его звери, возникает естественный вопрос: почему первое обращение к этой теме настолько ужаснуло Заратустру, что он в конце концов упал от него замертво, в то время как второе вызывает в нем радость? На первый взгляд никакого существенного различия здесь не видно, более того, во втором случае говорится о *гибели* Заратустры в силу его «вечной судьбы». Эта гибель помимо прочего противоречит идее вечного возвращения – как можно погибнуть, если все должно вечно повторяться?

Все становится ясным, если обратить внимание на два важнейших момента в процитированном фрагменте. Во-первых, Заратустра говорит о том, что он сам принадлежит «к причинам вечного возвращения». При этом нужно учесть, что в данном контексте «Заратустра» – это метафора человека, включенного в «кольцо вечного возвращения». Поскольку эта «причина» обладает свободой, вечное возвращение только до тех пор является абсолютным повторением «того же самого», пока сам человек смиряется с этим, принимает повторение как должное. А принимает он это и соглашается с этим только в силу добровольного подчинения «духу тяжести», внушающему нам, что жизнь «непроницаема» для нас и чужда нашим самым искренним чаяниям. Об этом Заратустра говорит, в очередной раз встречая своего главного врага: «... снова нашел я своего старого демона и заклятого врага, духа тяжести, и все, что создал он: насилие, устав, необходимость, следствие, цель, волю, добро и зло» [3, с. 142].

Если же человек поборет в себе «духа тяжести», станет *поистине свободным*, то именно он станет главной «причиной» вечного возвращения и в последнем исчезнет его самая ужасная черта – *необходимость*. Эта мысль составляет второй важный момент того нового понимания вечного возвращения, которое выражают звери Заратустры: Заратустра будет «возвращаться» вместе со всеми вещами не ради самого возвращения, а ради того, чтобы «повторять слово о великом полдне земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке». Это означает, что вечное возвращение будет возвращать «то же самое» *не вечно*, а только до тех пор пока истина о сверхчеловеке не станет реальностью в мире людей. И радость, которую теперь испытывает Заратустра от мысли о вечном возвращении, связана как раз с тем, что оно *обязательно* приведет людей к этой истине – на то оно и вечное! Но, приведя к этой истине людей, оно само станет другим: оставшись вечным, оно перестанет быть возвращением «того же самого». Сверхчеловек, раскрывшийся в человеке, устранил проклятие необходимости и сделает ход вещей *танцующим*, «а мир – выпущенным на свободу, невзнузданным, убегающим обратно к самому себе» [3, с. 142]. Это не означает, что вечное возвращение исчезнет совсем, оно не может исчезнуть, как самый главный «закон» бытия, но когда человек (в форме сверхчеловека) выйдет из подчинения вечного возвращения и станет выше его, станет сам определять его, он сделает его *избирательным*. Именно об этом идет речь в самом конце книги «Так говорил Заратустра»:

«”Я хочу наследников, – так говорит все, что страдает, – я хочу детей, я не хочу себя”» –

Радость же не хочет ни наследников, ни детей, – радость хочет себя самое, хочет вечности, хочет возвращения, хочет, чтобы все было вечным. <...>

Утверждали ли вы когда-либо радость? О друзья мои, тогда утверждали вы также и *всякую* скорбь. Все сцеплено, все спутано, все влюблено одно в другое, –
– хотели ли вы когда-нибудь дважды пережить мгновение, говорили ли вы когда-нибудь: “Ты нравишься мне, счастье! миг! мгновенье!” Так хотели вы, чтобы *все* вернулось!

– все сызнова, все вечно, все сцеплено, все спутано, все влюблено одно в другое, о, так *любили* вы мир, –

– вы, вечные, любите его вечно и во все времена; и говорите также к скорби: сгинь, но вернись назад! *А радость рвется – в отчий дом*» [3, с. 234].

Человек будет «переносить» в вечность, «отдавать» вечному возвращению только то, что определяет его высшее состояние, его полноту бытия, его *радость*.

Важно уточнить еще один момент в представлениях Ницше о вечном возвращении. Заратустра проповедует, что раскрывшаяся божественная сила сверхчеловека сумеет преодолеть не только необходимость, господствующую над будущим, над грядущим, но даже и ту страшную и непоколебимую необходимость, которая делает прошлое *безнадежно неизменным*. Заратустра верит, что сумел донести и эту благую весть о *самом главном* «избавлении» до людей:

«...как поэт, отгадчик и избавитель от случая, я научил их быть создателями будущего и все, что *было*, – спасти, создавая.

Спасти прошлое в человеке и преобразовать все, что «было», пока воля не скажет: “Но так хотела я! Так захочу я!” –

Это назвал я им избавлением, одно лишь это учил я их называть избавлением» [3, с. 142].

Как раз о таком «избавлении» и повествует фильм Тарковского. Если у Ницше «преобразование» прошлого все-таки можно понять как метафору, то Тарковский настаивает на буквальном и прямом смысле указанного «избавления».

Теперь связь замысла «Жертвоприношения» с ницшевской концепцией вечного возвращения, на наш взгляд, выглядит совершенно очевидной. Отсылая зрителей в начале фильма к этой идее, Отто имеет в виду только ее «ужасающее», а не «радостное» понимание, именно поэтому он делает акцент на том, что от этой идеи Заратустра упал в обморок, но совершенно не упоминает, что он преодолел ее ужас. Это означает, что сам Отто не верит в «сверхчеловека» и в «избавление», о котором говорит Заратустра. И даже если он сам является «пришельцем» из иного мира и обладает каким-то более широким пониманием бытия, чем люди (это можно угадать по некоторым намекам), он всецело покорился законам земного мира с его вечным возвращением и его необходимостью. И хотя он приносит Александру весть о возможности «избавления», сам он не способен совершить нужное для этого деяние, сам он не может «родить» в себе «сверхчеловека». А вот Александр оказывается на это способен, он – один из тех, кого Ницше в своей книге называет людьми «великой тоски, великого отвращения и великого пресыщения», один из тех, кто со-

ставляет «последний остаток Бога среди людей» [3, с. 203]. Только к таким людям обращается Заратустра со своими проповедями, называя их «высшими людьми», зная, что они поймут его и пойдут за ним, – зная, что они уже не хотят жить как прежде, или, как говорит один из этих «высших людей», «не хотят жить, если только не научатся снова надеяться – если только не научатся у тебя, о Заратустра, великой надежде!» [3, с. 203].

Александр не только научился этой «великой надежде», но и сумел сделать ее действенной, преобразующей и его самого, и других людей, которые начинают служить этой надежде, – Отто и Марию.

Наконец, жертвоприношение Александра, которое он совершает, сжигая свой дом и добровольно уходя в одиночество и молчание, также имеет очевидную параллель в тексте трактата «Так говорил Заратустра». Даже раскрыв в себе сверхчеловеческую глубину и проповедуя о ней людям, Заратустра сам не стал *сверхчеловеком*. Ведь «сверхчеловек» – это не отдельный человек, это скорее обозначение той эпохи в истории человечества, когда *все люди* станут другими, станут «тем, что они есть», по выражению Заратустры, выявят в себе «божественные», сверхчеловеческие потенции и совершенно по-другому выстроят свои отношения с миром и друг с другом. Эта эпоха еще впереди, еще далеко он нас. Поэтому Заратустра еще не сверхчеловек, а только провозвестник сверхчеловека, «первенец» на пути к сверхчеловеку. Но это и определяет его трагическую судьбу: «О братья мои, кто первенец, тот приносится всегда в жертву. А мы теперь первенцы. / Мы все истекаем кровью на тайных жертвенниках, мы все горим и жаримся в честь старых идолов. <...> В нас самих живет еще он, старый идольский жрец, он жарит наше лучшее себе на пир. Ах, братья мои, как первенцам не быть жертвою! / Но так хочет этого наш род; и я люблю тех, кто не ищет сберечь себя. Погибающих люблю я всею своей любовью: ибо переходят они на ту сторону» [3, с. 144].

Ницшевский Заратустра – это *новый Христос*, который несет людям учение об их грядущем совершенстве, или, как верит сам Ницше, это *подлинный Христос*, тот Христос, который принес людям великое пророчество, но был забыт в господствующей церкви, навязавшей нам его ложный образ – образ «Бога-искупителя». Восстанавливая подлинный смысл благой вести Христа (в «Так говорил Заратустра» и «Антихристе»), Ницше прекрасно понимает неизбежность его жертвы. Ведь, согласно его интерпретации, Христос не обещает людям никакого «дарового» рая, обеспеченного могуществом Бога, наоборот, требует от людей решительных усилий для того, чтобы войти в то «Царствие небесное», которое он уже принес с собой и которое рядом с каждым из нас, точнее, одновременно и *в каждом из нас*, и в мире *вне нас*, хотя мы и не замечаем его. Мы слишком привязаны к ложным формам нашей жизни, ставим себя в зависимость от них и тем самым лишаем себя благодатной свободы. Жертва Христа, «первенца», необходима для разоблачения ложности этой старой жизни, она должна стать примером для каждого человека – каждый должен осознать ложность своего обыденного существования и изменить его – пожертвовав ради этого всем тем, что он ценил раньше.

В жертвенном деянии Александра в очередной раз, как и во всех предшествующих фильмах Тарковского, нетрудно угадать отражение все того же жертвенного пути Иисуса Христа. Александр спасает мир от гибели, но это только начало его дела и его призвания. Как пророк и Мессия, открывающий людям новый Путь, новую религиозную истину, требующую перерождения, он должен дать радикальный пример такого перерождения, отказа от прежней жизни. И он дает его в самой трагической форме.

Жертвоприношение Александра встает в один ряд с жертвенными деяниями двух главных героев предшествующего фильма Тарковского «Ностальгия». Огонь, охватывающий дом Александра, – той же «природы», что огонь, сжигающий Доменико, и огонь свечи, которую пронесит через бассейн Андрей Горчаков. Всё это – искры одного и того же очищающего пламени, уничтожающего все ложное и неистинное в нашей жизни, все то, что охраняет и поддерживает инерцию обособленного и глубоко несовершенного существования.

Список литературы

1. Ницше Ф. Антихрист // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 631–692.
2. Фильм Андрея Тарковского «Солярис». Материалы и документы. М., 2012. 416 с.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 5–237.
4. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше // Шестов Л. Соч. в 2 т. Томск, 1996. С. 213–316.
5. Тарковский А.А. Мартиролог. Дневники 1970–1986. Флоренция, 2008. 620 с.
6. Тарковский А.А. Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. 1989. № 2. С. 95–110.

References

1. Nietzsche, F. Antikhrisť [Antichrist], in Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow, 1990, pp. 631–692.
2. *Fil'm Andrey'a Tarkovskogo «Solyaris»*. *Materialy i dokumenty* [Andrei Tarkovsky's Film «Solaris». Materials and Documents], Moscow, 2012, 416 p.
3. Nietzsche, F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra], in Nietzsche, F. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2], Moscow, 1990, pp. 5–237.
4. Shestov, L. Dobro v uchenii gr. Tolstogo i Fr. Nietzsche [The Good in Doctrines of Tolstoy and Fr. Nietzsche], in Shestov, L. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vol., vol. 1], Tomsk, 1996, pp. 213–316.
5. Tarkovskiy, A.A. *Martirolog. Dnevniky 1970–1986* [Martirolog. Diary of 1970–1986]. Florentsiya, 2008, 620 p.
6. Tarkovskiy, A.A. *Iskusstvo kino*, 1989, № 2, pp. 95–110.